

**До 100-річчя геологічної служби України
й 75-річчя визволення Донбасу від німецької окупації**

**БОЛЬШОЙ ДОНБАСС
И НЕОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ САМАРСКОЙ ПАРТИИ
УКРАИНСКОГО ГЕОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Від редакції

На розсуд читачеві представлено матеріал, що являє собою уривки зі щоденників Валентина Олександровича Нечаєва, колишнього завідувача відділу геологічної зйомки міністерства геології України, і коментарі його сина, Сергія Валентиновича Нечаєва, доктора геолого-мінералогічних наук. Висвітлені в цій публікації події охоплюють чималий етап з життя нашого суспільства та української геології. Багатство і докладність вихідних матеріалів, які ґрунтуються на конкретних фактах і власних враженнях, а також значущість подій, що відбувались у ті часи, заслуговують на видання окремої книги спогадів В. О. Нечаєва. Цікавою могла б бути й спільна книга мемуарів великої геологічної родини Нечаєвих.

1980 року Валентин Олександрович під час виступу на українському радіо в День геолога представив свою геологічну родину: старший син Сергій і невістка Галина Олексіївна – геолог, фахівець у галузі рудоутворення і геофізик-магніторозвідник; молодший син Володимир і невістка Тамара Сергіївна – геолог і геофізик аерозйомники; дочка Наталія – гідрогеолог; онуки – Сергій Володимирович, фахівець у галузі благородних металів і Тетяна Сергіївна – геофізик-магніторозвідник. Що ж, за 50 років своєї геологічної діяльності геолог В. О. Нечаєв підготував гідну зміну.

Сьогодні, через 38 років, геологічну династію Нечаєвих представляє лише Тетяна Сергіївна. Нещодавно пішов з життя Сергій Валентинович, талановитий учений з енциклопедичним багажем знань, теоретик і практик “рудології”, як він часто називав останніми роками напрямок металогенічних досліджень. Істинний патріот геології, якій він самовіддано слугував до останнього дня.

Сергій Валентинович, на превеликий жаль, не побачив останнього варіанта цієї статті, яку готував за підтримки співробітників відділу УкрДГРІ, де він працював наприкінці своєї активної трудової діяльності.

Надані для публікації матеріали друкуємо мовою оригіналу.

Від С. В. Нечаєва, за спогадами батька, В. О. Нечаєва

Осенью 2018 г. исполняется 75-я годовщина Донбасской операции (13 августа – 22 сентября 1943 г.) по освобождению Донбасса и, придерживаясь хронологической последовательности, представляется своевременным напоминание правды о событиях того времени, фрагментарно изложенных ниже от первого лица, – это своего рода информация к размышлению.

В семейном архиве Валентина Александровича Нечаева (1904–1982 гг.) оказа-

лось много подробных записей и документов, характеризующих советскую эпоху развития украинской геологии, включая связанные с историей Украинского геологического управления и его Самарской партии.

Накануне Великой Отечественной войны эта партия начала поиски месторождений каменного угля в западном секторе Большого Донбасса (БД), основываясь на концепции, разработанной академиком П. И. Степановым (1880–1947 гг.), которая в годы немецкой оккупации послужила “легендой” для подпольной организации по борьбе с захватчиками на территории от р. Северский Донец до Приазовья. Об этом мы узнали очень поздно, разбирая архив В. А. Нечаева.

Зі щоденників В. О. Нечаєва

НАЧАЛО ПУТИ В ЗАПАДНЫЙ СЕКТОР БОЛЬШОГО ДОНБАССА

Разработка П. И. Степановым концепции БД способствовала выявлению новых угленосных площадей за пределами уже исследованной части бассейна. Сам же Павел Иванович связывал возникновение идеи БД с именем Ле-Пле, который в 1837–1839 гг. указывал на перспективы расширения границ Донбасса.

Первый толчок к началу практического решения проблемы БД дала специальная комиссия во главе с В. М. Молотовым, посетившая Донбасс в июле-августе 1930 г. и наметившая в своих решениях пути развития угольной промышленности. “Союзуглеразведка” сочла необходимым в первую очередь, среди других, поставить вопрос о БД.

В том же году я (В. А. Нечаев) закончил физико-математический факультет Харьковского института народного образования. По случаю выпуска была организована экскурсия на Урал и, проведя несколько дней в Миасском минералогическом заповеднике, я впервые понял, что самое интересное – это геология. При распределении, вместо предстоящей педагогической деятельности, без колебаний было принято предложение треста

“Донуголь” о работе на Донбассе. Первые шаги к освоению профессии совершены в должности старшего коллектора и помощника геолога Должанской ГРП, осуществлявшей разведку новых шахтных полей.

В августе 1931 г. в партию приехал П. И. Степанов с целью продолжения своих прежних исследований и меня предложили ему в помощники. С благодарностью вспоминаю то время: Павел Иванович, видя мой интерес, рекомендовал сосредоточиться на самообразовании, он заложил во мне более глубокое понимание геологии Донбасса. Позже этому способствовала публикация его доклада “Большой Донбасс”, прочитанного на заседании ЦНИГРИ “Союзгеоразведка” в октябре 1932 г. В дискуссии по докладу приняли участие президент АН СССР А. П. Карпинский и такие гиганты отечественной геологии, как И. М. Губкин, Д. В. Наливкин, М. М. Тетяев [Георазведиздат, Л.–М., 1932. – 32 с.].

В июле 1934 г., работая геологом Чистяковской ГРП, я получил приглашение А. З. Широкова – в связи с составлением геолого-углехимической карты Донбасса заняться сбором материалов, касающихся геологического строения и вещественного состава угольных пластов в забоях шахт Центрального, Кадиевского и Алмазо-Марьевского районов. Здесь состоялось знакомство с А. Г. Стахановым, который заинтересовался происхождением в угольных пластах “струи” – так шахтеры называли кливаж. Стесняясь своей всесоюзной известности, Алексей Григорьевич считал, что “если бы один старый шахтер не научил его понимать “струю”, да если бы любому так помогали, как ему, то столько нарубить угля за смену могли бы многие забойщики”.

Интересно, что в шахте “Кочегарка” предмет особой заботы оказался огромный окремнелый пень с корнями ископаемого дерева *Sigillaria*. Он был встречен при проходке квершлага и мешал прокладке рельсов, поэтому его подготавливали к дроблению взрывами. Бурение

шпуров в окремнелом дереве шло очень медленно и, приехав в Артемовск, я рассказал о находке знакомой геологине Катре Новик (позже – чл.-корр. АН СССР Е. О. Новик), которая со свойственной ей тогда энергией сумела организовать подъем пня на-гора, доставку его в Киев и помещение в музей ИГН АН УССР.

Завершив работу на Донбассе, в 1936 г. я уехал к семье в Мариуполь, где стал преподавателем в Учебном комбинате (институт хозяйственников и мастеров при заводе им. Ильича). Получили квартиру, привыкали к новому быту, но...

В 1938 г. созданный под председательством П. И. Степанова Совет по проблеме БД предложил двум основным геологическим организациям – “Донбассуглеразведке” и Украинскому геологическому управлению (УГУ) – начать с 1939 г. бурение скважин с целью проверки угленосности отложений карбона на двух участках – Самарском и Межевском. УГУ управи-

лось быстрее, заложив летом на берегу р. Самары скважину № 8, а “Донбассуглеразведка” уже осенью свою, под № 860 в 500 м от скважины № 8 (фото 1).

При обсуждении кандидатур на должность геолога Самарской партии П. И. Степанов рекомендовал меня, которого в УГУ знал только угольщик-теоретик С. К. Комоцкий. Станислав Карлович сообщил мои координаты И. Е. Слензаку, главному инженеру УГУ, и состоялось радостное возвращение в геологию.

Начальником Самарской партии, которая базировалась в Барвенково, оказался А. М. Головенко, знакомый мне как старший буровой мастер еще по Должанской ГРП. Алексея Максимовича перевели в соседнюю Межевскую партию, а мне “временно” предложили еще и общее руководство Самарской партией.

В первой половине 1941 г. обе скважины (№ 8 и № 860) вскрыли пласты каменного угля рабочей мощности, чем и было

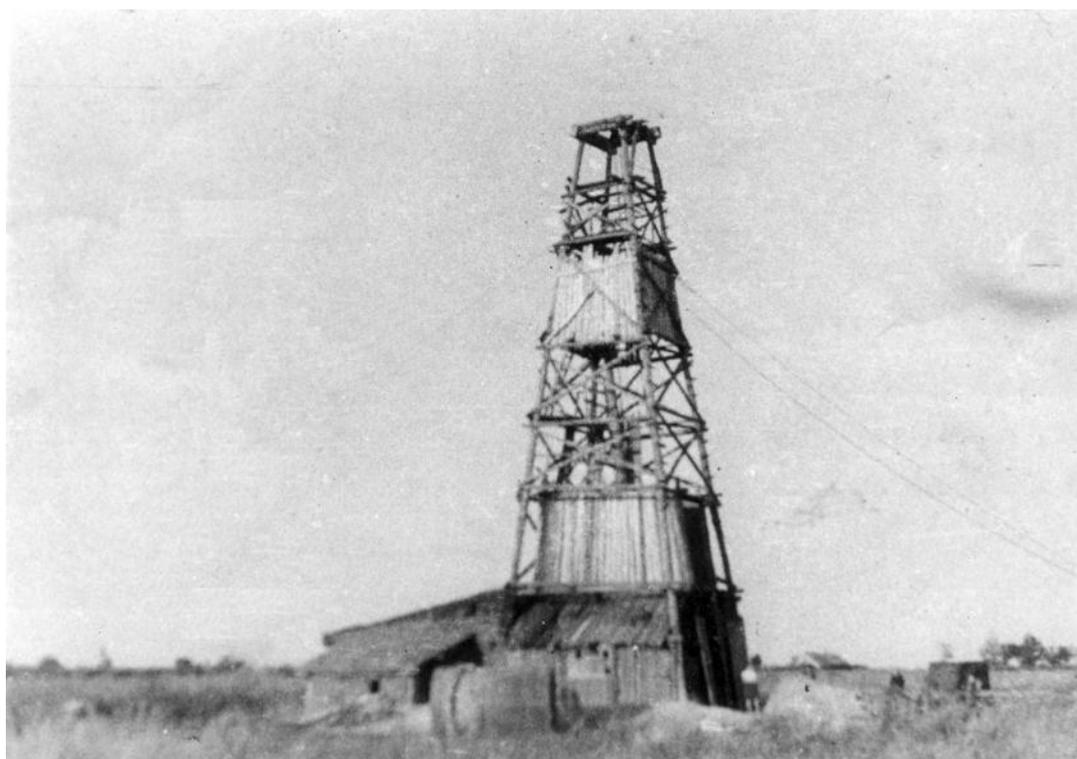

Фото 1. Буровая на скважине № 8 Самарской партии. 1941 г.

доказано, предвиденное П. И. Степановым, сохранение угленосности карбона к западу от Красноармейска. Самарская партия заложила ряд новых глубоких скважин, и УГУ прислало на постоянную работу девушек-геологов (фото 2) Москаленко Евгению Ивановну (Женю) и Соколову Наталию Алексеевну (Наташу).

В связи с неопределенностью результатов поискового бурения на Межевской площади в мае в Самарскую партию УГУ командировано С. К. Комоцкого, который предложил мне совместно осмотреть керны скважин Межевской партии. Со слов Станислава Карловича, бурение здесь велось с целью проверки угленосности нижних свит среднего карбона и верхних свит нижнего карбона. Состояние кернов желало лучшего, но поражали литологические признаки продуктивности вскрытых отложений, что явилось

основанием для планирования на 1942 г. прослеживания этих отложений далее к западу. Но ... с запада пришла война.

Из Киева эвакуировали около 60 семей сотрудников УГУ во главе с новым главным инженером В. И. Кузьменко, заменившим И. Е. Слензака, добровольцем ушедшего на фронт. Первым промежуточным пунктом эвакуации стала база Самарской партии в Барвенково, где я обеспечивал прием и размещение беженцев. Прощаясь, Василий Иванович предложил “сворачивать” бурение, рассчитать персонал, а ценный каменный и графический материал готовить к отправке на восток. О сроке и пункте моей личной эвакуации он обещал сообщить из второго пункта эвакуации – Старобельска.

Пока война далеко, а новый учебный год близко (жена – учительница, старший сын – ученик третьего класса), отвез

Фото 2. Наташа Соколова (первый ряд в центре) и Женя Москаленко (второй ряд третья слева) с буровиками Самарской партии. Новая Полтава, 30 августа 1941 г.

я семью в Мариуполь и, возвратившись в партию, подал заявление начальнику Александровского райвоенкомата о добровольном вступлении в армию. “Но у тебя ведь броня, а немцев разгонят и без твоего участия” – сказал военком...

НЕОЖИДАННЫЙ ПЕРЕХОД К НЕТРАДИЦИОННЫМ МЕТОДАМ ПОИСКА И РАЗВЕДКИ

Вскоре я был вызван начальником Александровского райотдела НКГБ Н. В. Максименко, в кабинете которого состоялась встреча с представителем Сталинского (с 1961 г. – Донецкого) обкома партии. Для меня, беспартийного, это был сюрприз, а обкомовский работник конкретен:

– Нам известно о Вашем желании пойти на фронт добровольцем. Сейчас мы предлагаем Вам остаться в тылу для подпольной борьбы в связи с возможным захватом Донбасса. Если Вы согласны, то получите соответствующие инструкции. Предполагалось создание небольших групп для диверсий и разведки – партизанских отрядов, остающихся на легальном положении жителей данного района, “отказавшихся” эвакуироваться с большевиками. Некоторые получают индивидуальные задания. Нам известно, что оккупанты организуют украинскую администрацию за счет предателей. Вы, как беспартийный инженер, “репрессированный” органами, можете занять видный пост в их администрации.

– На подпольную борьбу согласен и благодарю за оказанное мне доверие, а от проекта внедрения в фашистскую администрацию – отказываюсь.

– Через 5–6 дней за Вами заедут.

Этого времени хватило для приведения в систему материалов Самарской и Межевской партий, включая керны с отпечатками фауны и флоры зон угольных пластов, а также геологические крупномасштабные разрезы скважин с подробной их первичной документацией. Помогали Наталья Соколова и Евгения Москаленко. Составили два крупномасштабных

разреза скважины № 8 с подробным литолого-структурным и палеонтологическим описанием. Получилось четыре ящика керна с эталонами по скважине № 8 и столько же – по скважинам Межевской партии.

Від С. В. Нечаєва, за спогадами В. О. Нечаєва

20 сентября за Валентином Александровичем заехала машина, в кузове которой сидело четверо неизвестных ему людей, а из кабины вышел сотрудник райотдела министерства Госбезопасности и предложил сесть в кузов, не объясняя цели. Валентин Александрович только успел сказать Соколовой, что скоро вернется, и чтобы она подготовилась к эвакуации.

На станции Доля Сталинский обком организовал спецшколу под руководством четвертого отдела НКГБ, для обучения методам борьбы в условиях подполья и партизанского движения. На освоение обширной программы полагалось всего 10 дней, не считая времени ночной практики по минированию железнодорожного полотна зарядами собственного изготовления в условиях охраны объекта бдительными курсантами.

Машина Самарской партии, предназначенная для эвакуации геологических материалов и сопровождавших их сотрудников, была своевременно готова. Наташа и Женя к отправке все подготовили, но совершенно неожиданным оказался их отказ от эвакуации: “Мы хотим остаться для того же, для чего остаетесь вы с Головенко”. Женю все-таки уговорили, а Наташа от эвакуации отказалась категорически. Утром 10 октября две полуторки выехали на Старобельск, где сосредоточилось руководство и семьи сотрудников УГУ перед выездом на восток страны.

Вечером был первый сбор отряда, который насчитывал 8 человек. Легальной базой стала камералка Самарской партии под контролем Наташи Соколовой, которая, как оказалось, хорошо владела немецким языком.

Первая встреча с оккупантами состоялась утром 20 октября.

По склону к речке Самаре спускались цепочки и группы немецких солдат. Удивительно, но никто из местных жителей не проявил чувства страха. Это были веселые, молодые, лет по 20–25, и здоровые, спортивного облика ребята, не похожие на кадровых однотипных солдат, некоторые – с непокрытыми головами и легко одетые. Первая стычка с немцами произошла тут же во дворе камералки. Обычно тихоголосая Наташа гневно кричала и “вела бой” с немцем за вареную курицу. Автоматчик, громко смеясь, что-то выкрикивал. Рядом стоял его напарник и тоже хохотал. Весь трофей все-таки пришлось уступить противнику.

Несколько дней прошло в ожидании детальных указаний о дальнейших действиях и ближайших задачах. Однажды камералку посетил немецкий офицер, проявивший интерес к кернам и “непонятной графике”. С помощью Наташи ему объяснили род занятий геологической партии и просили не занимать постоем военных ее помещений со столь ценными материалами. Офицер проникся вниманием и рекомендовал обратиться к фельдкоменданту в Александровке. Наташа продиктовала текст нечто вроде: “Ахтунг! Ахтунг! В этом доме хранятся ценные для Рейха материалы, а потому его нельзя занимать постоем!” С подписанной офицером бумагой Наташа побывала у коменданта, который собственноручно отпечатал объявление в четырех экземплярах. Эти объявления, пристроенные на воротах и входной двери, оградили камералку от постоя немцев.

Проходившие через Новую Полтаву немцы иной раз читали объявление о “неприкосновенности геологической партии”, в редких случаях – навещали. Обычно это были офицеры. Случались встречи с военными, которые не поддерживали политику Германии и ее лидера. Приходилось осторожничать, боялись провокаций.

Однажды Валентин Александрович среди своих умывальных принадлежностей обнаружил открытку, на которой изображалась плаха и огромный топор мясника, в выщербленном лезвии которого без труда узнавался профиль Гитлера. Внизу надпись: “Heil Beil! – “Да здравствует топор!” – пропагандистская открытка, которую немецкие коммунисты распространяли в Германии, в т. ч. среди солдат. Очевидно, открытку оставил унтер-офицер из группы авторемонтников, которая останавливалась на постой в хате, где квартировал Валентин Александрович.

На начало декабря планировалась разведка аэродромов. Подготовка маршрута проходила в камералке. Наташа фабриковала “Хайль Байль!”. Неожиданно дверь распахнулась, и поспешно вошедший незнакомый немецкий офицер сразу же заинтересовался ее занятием. От непрошенного гостя пришлось избавиться с помощью геологического молотка, а труп прятать сначала в тайнике под штабелем керновых ящиков, а потом, дождавшись темноты, перетащить и засыпать землей в окопе, отрытом в огороде еще летом. В связи с этим решено было камералку некоторое время не посещать и не встречаться без срочной необходимости.

Вскоре ушли на разведку аэродромов и, исходив 300 км, обнаружили под Лозовой единственный действующий. В селах было полно бывших военнопленных, особенно из Киевского окружения. О партизанах еще ничего не было слышно.

В середине декабря связной передал требование глубокой разведки в немецком тылу по маршруту Красноармейск, Сталино, Межевая, Волноваха, Мариуполь. Крайний срок возвращения в Новую Полтаву – 15 января 1942 г. По пути немцы иногда задерживали, направляя на кратковременные разгрузочно-погрузочные работы, в которых были задействованы наши расконвоированные военнопленные. Выручал паспорт с довоенной мариупольской пропиской. На окраинах Сталино накапливались группы танков, около Кураховки оказался совершенно

новый аэродром с истребителями. Добравшись до Мариуполя, Валентин Александрович пришел на явку и там узнал, что эвакуация его семьи не состоялась. Немцы, прорвав фронт, без задержки промчались через Мариуполь в сторону Таганрога. Территория вокруг бывшего учкомбината была обнесена рядами колючей проволоки, а в самом “загоне” скопились тысячи наших военнопленных. Сколько их там погибло – неизвестно.

Пройдя 290 км против лютого северного ветра, Валентин Александрович в назначенный срок вернулся на базу партии. 20 января связной передал очередное распоряжение о подготовке к активным действиям. Утром 22 января кавалерийский корпус А. А. Гречко прорвал фронт у Барвенково и подпольщики повели кавалеристов по пути отступающих немцев.

В период с февраля до мая 1942 г. группа была подчинена штабу партизанского движения 9-й армии, осуществляя ближнюю разведку в прифронтовой полосе. Несколько раз Валентин Александрович ходил на разведку к передовой немцев. Однажды во время ближнего боя был сильно контужен с потерей слуха и речи, а также ранен в бок.

17 мая началось мощное немецкое наступление, в результате которого наши войска отошли и фронт стабилизировался по Северскому Донцу. Вскоре в Красном Лимане были собраны тысячи партизан разных отрядов, перед которыми выступил Н. С. Хрущев, рассказавший о военном и политическом положении, об успехах и задачах партизанского движения, о приказе Сталина активизировать партизанскую борьбу.

На другой день после общего партизанского сбора А. М. Головенко получил детальное задание – перейдя линию фронта, направиться по маршруту с целью выяснения существования и деятельности партизанских отрядов в селах района Славянки, Межевой и Волновахи, а также выяснения судьбы диверсионных групп, выброшенных с самолетов между Мелитополем и Запорожьем. Конечной целью

был Мариуполь – завод Ильича, где в случае неустановления связи с местным подпольем, создавать свои группы для подрывной работы.

После очень тяжелого перехода линии фронта произошла явочная встреча на окраине Изюма, где была получена первая информация. Продолжив путь в одиночестве, ночью неожиданно Валентин Александрович наткнулся на оклик часового. Пришлось стрелять в упор и в поднявшейся суматохе бежать, но на следующий день на окраине с. Большая Камышеваха он был задержан немецким патрулем. После предъявления паспорта с довоенной мариупольской пропиской получил “аусвайс” для следования в Мариуполь с напутствием – “ходить только по дорогам и в дневное время”. После станции Близнюки был задержан полицией и доставлен в Межевую, где содержался в тюремной камере. Через несколько дней при переводе в немецкую полевую жандармерию, почувствовав непреодолимое желание бежать, вынужден был убить конвоира и захватить пакет с изъятими при аресте документами. На земле своей Родины, как преследуемый зверь, пробирался дальше бурьянами, зарываясь на отдых в старую солому.

Надежда установить связь с подпольем в с. Большой Янисоль не оправдалась – хозяин явки в апреле был арестован. В Волновахе оказался расстрелянным командир местного партизанского отряда. В Мариуполе сообщили, что связные к нему не приходили, а тесть в апреле был отправлен в гестапо и, вероятно, расстрелян, т. к. передачи для него охрана перестала принимать уже через несколько дней после ареста.

Жена Валентина Александровича уведла его на квартиру своих родителей. Анна Евдокимовна, до войны работавшая преподавателем математики в старших классах, пользовалась уважением бывших коллег и учеников.

“Новый порядок” требовал регистрации на Бирже труда, где на учете состояло все работоспособное население, которое

привлекали к работе на заводе и дорогах в укрепрайонах Азовского побережья, а также отправляли в Германию.

15 августа 1942 г. через знакомого Валентин Александрович получил работу на самой Бирже. С помощью В. Е. Колоскова, оставленного на заводе им. Ильича для организации подпольной работы, создавались “пятерки”, ориентированные на технологические диверсии в заводских цехах, но “без крови”. Обнаруживались активисты из числа бывших или бежавших из местного лагеря военнопленных, для легализации и устройства их на работу нужны были бланки биржевых книжек, тогда и пригодилась работа на бирже.

О сталинградском окружении немцев стало известно, когда через поселок завода Ильича потянулись обозы румын в санях, запряженных верблюдами (вероятно из Сальских степей). Понося Антонеску, они благодарили короля Михая, который отозвал румынскую армию домой. Наши люди их подкармливали.

3-го мая Валентин Александрович был арестован за использование бланков Биржи для помощи в трудоустройстве одному сбежавшему из лагеря военнопленному. Получил для начала три месяца лагеря. Но через несколько дней был доставлен в мариупольское гестапо, где сообщили, что знают большевистскую семью жены и что нужно посидеть здесь, и может вспомнить что-то большее.

Фронт приближался к Мариуполю и “категорию” работавших во дворе заключенных начали выбрасывать на улицу. 28-го августа в такую группу попал и Валентин Александрович. Опасаясь нового ареста, добрался до больницы завода Ильича, где был спрятан знакомым – бывшим военврачом Телегиным. В течение нескольких дней все вокруг содрогалось от периодических взрывов заводских цехов. Уходя утром 9-го сентября, немцы, выгнав население, сжигали жилые дома. Семья уцелела, укрывшись с соседями за заводской стеной, а от дома осталось только пепелище.

После освобождения Мариуполя начались проверки службой госбезопасности. Вначале выявлялись предатели, проверялись подпольные группы, созданные на заводе Ильича. От Валентина Александровича был затребован подробный письменный отчет за весь период пребывания в оккупации. Тщательно проверялись все факты и пункты отчета. Требовались все новые и новые дополнительные подробности. Пришлось даже сообщить, что на стене камеры полиции в Межевой оставил надпись, кажется из Лермонтова: “И где пошлет мне смерть судьбина – в бою ли, в странствии?” К счастью, эта надпись сохранилась, и только после этого проверка была прекращена.

После этого Валентин Александрович был извещен, что его разыскивает геологический начальник Кузьменко. Надо восстанавливать геологическую службу – за два года немцы разворотили весь Донбасс... Получив удостоверение органов госбезопасности, датированное 21 декабря 1943 г. (сохранился оригинал), Валентин Александрович добрался до Харькова, но вагон геологического управления уже убыл в Киев.

Судьба девушек-геологов Самарской партии

В мае 1942 г., зная о предстоящей отправке Валентина Александровича через линию фронта, неожиданно для него Наташа Соколова открылась в том, что она – не Соколова, а Бунина. Ее отец – дворянин и уральский земский предводитель – умер, и после его смерти семья Буниных жила в Екатеринбурге. Ее старшим брату и сестре поступить в вуз не довелось. Наташу отправили в Казань, где ее удочерил брат матери, профессор Соколов. В семье дяди она освоила французский и немецкий языки. В 1938 г. после окончания университета была направлена в УГУ и работала в партии В. И. Кузьменко в Приазовье. Вот такой оказалась “дворянка”, тайно сменившая фамилию, чтобы не выглядеть “белой вороной” в новом обществе, и без колебаний ставшая в ряды защитников этого общества и своей Родины (фото 3).

Фото 3. Н. А. Соколова, Свердловск, 1938 г.

Весной 1945 г. от сотрудников Александровского райотдела госбезопасности стало известно, что ее след обрывается в с. Некременном, куда она дошла, возвращаясь из разведки и следуя к линии фронта через села вверх по р. Самаре. Воз-

Фото 4. Е. И. Москаленко и В. А. Нечаев, Киев, 1952 г.

можно, что молодая женщина, которая вместе с комсомольцами с. Некременного была расстреляна в августе 1942 года, и была той самой Наташей Соколовой.

Женя Москаленко по пути в эвакуацию сбежала и, явившись в военкомат, была принята добровольцем в воинскую часть. Прошла всю войну. Тоже – характер! Видимо не зря после демобилизации она заведовала канцелярией геологического управления при В. И. Кузьменко до его перевода в Москву (Василий Иванович возглавил Первое Главное геологическое управление, создававшее сырьевую базу урана, а затем был первым заместителем министра геологии СССР (фото 4)).

Зі щоденників В. О. Нечаєва ВОЗРОЖДЕНИЕ САМАРСКОЙ ПАРТИИ И БОЛЬШОЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ СЮРПРИЗ БОЛЬШОГО ДОНБАССА

В начале 1944 г. в Киеве штаб партизанского движения в Украине предоставил моей семье две комнаты в квартире по улице Воровского 38а и наградил меня медалью “Партизану Отечественной войны”.

Несмотря на тяжелейшие последствия войны, руководство СССР высоко ценило значение геологии в развитии минерально-сырьевой базы страны. После реэвакуации УГУ ведущей отраслью его деятельности стала топливная и в 1945 г., по поручению В. И. Кузьменко, я возглавил соответствующую группу с одновременным заданием восстановления Самарской партии. Для оперативного руководства полевыми работами Василий Иванович создал при УГУ авиаотряд, предоставив мне право пользоваться одним из самолетов (фото 5).

Для базы партии в том же Александровском районе была выбрана довоенная немецкая колония Ново-Бахметьево, где зимой 1942 г. стояла передовая 9-й армии и откуда партизаны нашего отряда уходили в прифронтовую разведку по р. Самаре. В Ново-Бахметьево остались коробки добротных кирпичных домов, хозблоки и большая конюшня. Все приусадебные пространства, занятые виноградниками и фруктовыми садами, густо заросли бурья-

Фото 5. Новобахметьево, Самарская партия, 1947 г. Справа В. А. Нечаев, слева – младший сын Владимир – будущий геолог

нами, в которых скрывались многочисленные зайцы и табуны куропаток.

К 1947 г. материально-техническую комплектацию партии обеспечили А. А. Дедовец – ее начальник, и С. Е. Перьков – технорук. В полевой сезон того же года здесь базировалась Западно-Донецкая геолого-съемочная партия, руководимая И. И. Галакой (именно в этой партии составитель статьи – Сергей Валентинович Нечаев приобщился к геологии в качестве рабочего (фото 6, 7)). А. М. Головенко в эти места не возвратился. Его назначили начальником Львовского отделения УГУ. Бывая в Киеве, он рассказывал, что не расставался с “маузером”, а в поле выезжал на БТР-е в сопровождении взвода солдат.

Спасенные и возвратившиеся из эвакуации геологические материалы, дополнительно изученные специалистами ИГН АН УССР, послужили надежной основой для послевоенной разведки Самарской угленосной площади. К сожалению, при-

знаки продуктивности отложений карбона на Межевской площади, на которые мы с С. К. Комоцким обращали внимание в мае 1941 г., планируя на 1942 г. продолжение работ в западном направлении, “авторитетами” не воспринимались. Нам же было понятно, что не будь этой проклятой войны....

Не меньшее значение, чем каменному, в послевоенные годы уделялось бурому углю. Неожиданно прославившейся, но не благодаря последнему, оказалась Павлоградская ГРП треста “Днепроуголь”. Методика поиска и разведки буроугольных залежей этой партией была довольно проста: скважины добуривали до коры выветривания кристаллических пород над депрессиями, выполненными потенциально угленосными бучакскими отложениями, после чего переезжали на новую точку, продолжая бурение по правильной сети. В один из вечеров на одну из скважин приехал геолог с намерением ее закрыть, но

Фото 6. Коллектив Западно-Донецкой геолого-съемочной партии. 1947 г.

Фото 7. В. А. Нечаев среди сотрудников Западно-Донецкой ГСП. Хутор Новый-Кавказ. 1947 г. Второй слева – Сергей Нечаев, подсобный рабочий партии

коллектор показал ему в поднятом керне отпечаток брахиоподы, не свойственной отложениям палеогена.

– Ну, ладно, пусть побурят до утра, – разумно решил геолог. А утро и стало началом великого открытия: сначала встретили необычные для коры выветривания кристаллических – сланцеватые породы с углем, отличным от рыхлого бурого. Решили побурить еще и... вскрыли пласт каменного угля. Остановились... Изумленные, доложили начальству. Понаехало множество: что за уголь? Догадались срочно отправить образцы и угля, и вмещающих пород в Киев в ИГН Академии наук. Известные специалисты Д. Е. Айзенберг и Е. О. Новик, увидев “загадку”, определили – отложения нижнего карбона, свита – такая-то, пласт – такой-то.

– Но как, почему? И здесь “авторитеты” отказывали нижнему карбону в угленосности! Что делать с фактом? И начали его обыгрывать сразу же объявившиеся “первооткрыватели” разного калибра.

Был и такой, который предвидел открытие, “обходя берега каменноугольного моря”. Безвестным оказался только пыливый коллектор, который узрел тот самый единственный отпечаток брахиоподы...

Так на р. Самаре, но теперь в ее низовьях, появился новый угленосный, ставший вскоре угледобывающим, район Большого Донбасса. Действительно – это была эпоха всенародного послевоенного созидания (фото 8).

Від редакції. Замість епілогу

Західний сектор Великого Донбасу, про який ідеться в спогадах В. О. Нечаєва про роботи Самарської й Межевської партій, територіально розміщується в західній частині Донецької області в межах Первомайського району і продовжується далі на захід на Дніпропетровщину. Цей район відповідає території діяльності державного підприємства “Мирноградвугілля” (до 2017 р. – “Красноармійськвугілля”

Фото 8. На смотринах новой послевоенной скважины. В. А. Нечаев (справа) сопровождает главного инженера УГУ М. М. Финкельштейна, 1948 г.

ля”). Підприємству підпорядковано чотири вугільні шахти в роботі.

Вугленосний район, який відкрила Павлоградська ГРП, був розвіданий у 1950–1960-х роках. Сьогодні він відомий як Павлоградсько-Петропавлівський вугленосний район Західного Донбасу, що простягається на великій території у межах Петропавлівського, Тернівського, Павлоградського і частково Новомосковського адміністративних районів Дніпропетровської області. Виявлено приблизно 40 пластів кам’яного вугілля з робочою потужністю від 0,6 до 4,6 м, які залягають на глибині 400–1800 м. Вугільні родовища розробляє приватне акціонерне товариство “ДТЕК Павлоградвугілля” – найбільше вугледобувне підприємство

України. Основу його становлять п’ять шахтоуправлінь, до складу яких входять 10 добувних шахт у роботі. Колектив налічує понад 26 тис. осіб.

Промислові запаси ПрАТ “ДТЕК Павлоградвугілля” становлять приблизно 650 млн т енергетичного і коксівного вугілля. Вугілля високоякісне, легко збагачується. Основний обсяг припадає на енергетичне вугілля, яке використовують як паливо на теплових електростанціях.

Сьогодні через те, що більша частина родовищ і запасів вугілля Великого Донбасу опинилася на тимчасово окупованій території, центр видобутку цієї корисної копалини змістився на Західний Донбас, а Павлоград став столицею вугледобування України.

Рукопис отримано 26.07.2018.